

Осипов Тимур Алексеевич
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация
otukeyofficial@gmail.com

Закрытые социальные пространства в условиях пандемии

Аннотация. В статье анализируется феномен формирования закрытых социальных пространств в условиях пандемии. Выявлена специфика этих процессов на глобальном и местном уровне. Показан основной эффект формирования новых закрытых социальных пространств в условиях пандемии, заключающийся во влиянии на сплоченность и солидарность социума, а также связь этих процессов с основными характеристиками общества постмодерна. Выдвинута гипотеза о том, что критические ситуации дают некую возможность проанализировать новые конфигурации закрытых социальных пространств.

Ключевые слова: эпидемия; пандемия; бедствия; закрытые социальные пространства; солидарность

Osipov Timur Alekseevich
Irkutsk State University,
Irkutsk, Russian Federation
otukeyofficial@gmail.com

Closed social spaces in the context of a pandemic

Abstract. The article analyzes the phenomenon of the formation of closed social spaces in the context of a pandemic. The specificity of these processes at the global and local level is revealed. The main effect of the formation of new closed social spaces in the context of the pandemic which is to influence the cohesion and solidarity of society and the connection of these processes with the main characteristics of postmodern society are shown. The hypothesis that critical situations provide an opportunity to analyze new configurations of closed social spaces has been put forward.

Keywords: epidemic; pandemic; disasters; closed social spaces; solidarity.

Новый XXI век знаменателен различными глобализационными процессами, которые в первую очередь воспринимаются как разрушение границ, появление новых свобод, открытых механизмов мобильности и многого другого. То есть, новому миру присущи принципиально новые характеристики, которые зачастую не позволяют говорить о многих социальных пространствах, за исключением сохранившихся «тотальных институтов», в категориях закрытости, как это было ранее. Однако в то же время цивилизация на сегодняшний день во многом воспринимается как пространство риска и неопределенности. К примеру, об этом в своих работах упоминают исследователи, изучающие характеристики общества модерна и постмодерна [Бек,

2000], Э. Гидденс [Гидденс, 2004], З. Бауман [Бауман, 2004] и др.). То есть, довольно велика вероятность столкновения с различными социальными бедствиями и критическими ситуациями, которые могут коренным образом изменить характеристики конкретных социальных пространств или всего социума в целом (по крайней мере, временно). Одним из значимых бедствий такого рода можно назвать эпидемии. Ранее, когда научно-технический прогресс еще не имел таких достижений, которые имеет сегодня, все эпидемии закономерно считались внешним риском, если взять во внимание классификацию Энтони Гидденса [Гидденс, 2004: 42]. Однако, как отмечает автор, в современном обществе риск сам по себе стал более «рискованным», то есть мы зачастую не можем точно прогнозировать существующие риски, а также точно классифицировать их на внешние и рукотворные. Это можно отнести и к риску возникновения различных эпидемий, которые могут быть «созданы» как природой, так и самим человеком по ходу движения научно-технического прогресса. Кроме того, крупнейшие вспышки эпидемий в XXI развеяли мифы о незначительности этой проблемы с биологической точки зрения. То есть, эпидемии на сегодняшний день могут представлять опасность и как внешний, и как рукотворный риск, что обуславливает актуальность обращения к данной проблеме и её последствиям.

Как известно большинство эпидемий подразумевает нежелательность социальных контактов в той или иной форме. То есть, формируют определенную потребность в «закрытых границах» определенных социальных пространств, чтобы не допустить распространения вирусной инфекции. Так мы уже выяснили, что риск эпидемии может считать как внешним, так и рукотворным, это можно считать значимой предпосылкой в создании новых закрытых социальных пространств. В эпоху глобальных процессов анализ предпочтительней начинать «сверху вниз», то есть с анализа «глобальной» ситуации и общемировых тенденций.

В случае глобальных бедствий, таких как пандемия, геополитическая ситуация закономерно изменяется. На задний план отодвигаются так называемые «докарантинные интересы», внешняя политика и международная экономика сдвигаются с повестки дня. Точнее, внешняя политика перестраивается на пассивную закрытую модель, акцент делается на внутренней политике, направленной на профилактику и смягчение последствий критической ситуации. Любопытным моментом в этом случае может стать сопоставление с концепциями космополитизма и фундаментализма (в трактовке Энтони Гидденса [Гидденс, 2004: 61], что также близко к концепциям политического идеализма и реализма). Космополитизм в данном случае понимается как наличие определенных универсальных общечеловеческих ценностей и стремление к всеобщему объединению на их основе. Фундаментализм же отрицает наличие таких ценностей в чистом виде и постулирует необходимость акцента скорее на национальных ценностях и интересах (если говорить о национальном фундаментализме). В случае глобальных бедствий по типу пандемии, с одной стороны, осознание общей угрозы и жизнь человека, выступающая в качестве универсальной

для всего мира ценность, должны способствовать межгосударственному сплочению. С другой стороны, территориальная закрытость, нацеленность на внутреннюю политику и решение собственных проблем (национальные интересы) зачастую не дают возможностей для межгосударственного диалога и взаимопомощи, которые предполагает концепция космополитизма. Такое положение дел не позволяет об однозначной доминации одной из этих тенденций, хотя и есть аргументы, говорящие о некотором сдвиге в сторону фундаментализма как нацеленности на национальные интересы.

При обсуждении таких социальных бедствий как пандемия, можно говорить о том, что закрытые пространства формируются в первую очередь на юридическом уровне. Это в свою очередь выражается в закрытии границ большинством государств. Безусловно, такие меры вызвали возникновение и некоторых чисто юридических коллизий, где под вопрос ставилась легитимность этих мер. Однако в целом данные меры выглядят вполне закономерно и рационально. В то же время, как известно, рациональность зачастую сталкивается с некоторыми культурными и духовными основаниями. Вокруг таких ситуаций возникают различные споры, связанные с моральной «правильностью» тех или иных государственных мер, где разность мнений зачастую приводит к расколу социума на этой основе. Вопрос *«кого впускать/ не впускать?»* среди населения зачастую воспринимается в духе дихотомии *«кто наш/кто не наш?»*. Если первый вопрос регулируется юридически, то второй – неформально, на основе существующих в обществе ценностей, норм и представлений. Соответственно, при несовпадении взглядов с этих углов возникают определенные «общественные трения», влияющие на ситуацию в области солидарности, патриотизма, уровня доверия государству и других общественных представлениях. Причем это влияние может иметь место как на межрегиональном, национальном (государственном) уровнях, так и на наднациональном (надгосударственном).

Также некоторые примеры эффекта создания новых закрытых социальных пространств можно найти в литературе, посвященной конкретно состоянию социума во время эпидемий. Питер Бэр, находившийся в самом разгаре эпидемии атипичной пневмонии в 2003 году, в своей статье «Социальная крайность, сообщества судьбы и социология атипичной пневмонии» [Baehr, 2005] выделил некоторые условия солидаризации и сплочения общества. Изоляция является одним из таких условий. Закрытое социальное пространство подразумевает под собой определенную изолированную социальную группу внутри него. Если определенное социальное пространство во время социальных бедствий такого рода становится закрытым и противопоставляет себя таким образом «остальному миру», то это приводит к солидаризации внутри него. В этом случае закрытость в первую очередь определяется в категориях социального остракизма по отношению к индивидам в этом пространстве, но зачастую такое разделение также объективировано и в физическом пространстве.

Здесь речь идет скорее о солидаризации по отношению к внешней среде. Для описания таких процессов можно использовать категорию «сообщество судьбы», обозначающую социальное спланивание под влиянием определенных, направленных на конкретное сообщество, условий. В контексте эпидемии подробно данную категорию проанализировал Виктор Вахштайн в своей статье «*“Сообщество судьбы”: к военной истории идей*» [Вахштайн, 2019], показав актуальность её применения. Таким образом, существуют основания полагать, что только бедствие в конкретной области положительно влияют на солидаризацию сообщества внутри него, в то время как бедствие глобального масштаба такого эффекта не дает. Об этом же писал Джереми Шапиро в своей статье «*Трансантлантические отношения и коронавирус*» [Шапиро, 2020], используя, однако, на наш взгляд, неоправданно категоричный тезис о том, что эпидемии спланивают, а пандемии – разобщают. Питер Бэр выделяет это именно как условие солидаризации, однако как показывает практика, доведенная с помощью мер карантина до крайности изоляция имеет скорее обратный эффект, негативно влияя на сплоченность внутри сообщества.

Если речь идет о ситуации конкретно внутри небольших социальных пространств на местном уровне, то здесь можно наблюдать любопытную картину. Здесь не столько создаются новые закрытые социальные пространства, сколько запрещается доступ к прежним открытым пространствам. Формально это можно считать тождественными процессами, однако между ними существует некая принципиальная разница. Закрытые границы «дробят» мир, дифференцируют его, противопоставляя страны и государства друг другу. Процессы же внутри общества подразумевают, что все находятся в равных условиях, не присутствует никакой ярко выраженной дифференциации и противопоставления. Это можно обозначить эту ситуацию как некую атомизацию, выраженную в тотальной разобщенности социума. Это один из сценариев развития ситуации в условиях эпидемии, выделенных Виктором Вахштайном в статье «*Пандемия страх и солидарность*» [Вахштайн, 2020]. В таких условиях все, подобно героям романа Альбера Камю «*Чума*» [Камю, 2017], остаются один на один со своими проблемами, чему способствуют меры по типу карантина и самоизоляции. В этом случае общество можно представить как совокупность большого количества закрытых социальных пространств. Понятие «публичного места» во время эпидемии просто «исчезает» за ненужностью. Если учесть некоторые другие характеристики общества постмодерна, это может иметь пагубное влияние на состояние социального в целом. К примеру, достаточно вспомнить о процессах «индивидуализации» в современном обществе, о которых нас предупреждал З. Бауман, которые заключаются в персонификации ответственности и радикализированную необходимость постоянного личного выбора [Бауман, 2005]. Также автор отмечает, что современные публичные пространства утратили прежнюю сущность и перестали выполнять свои собственно «общественно-публичные» функции. Кроме того, можно вспомнить о так называемой «колючести» или «колкости» социального мира, о

которой говорит З. Бауман вслед за Стивеном Фласти [Бауман, 2004: 34]. Эта характеристика представляет собой некую систему ограничений (как физических, так и социальных), которые представляются как «враждебность» окружающей среды (созданной человеком) к конкретной группе индивидов или вообще ко всем поголовно. Атомизацию в результате эпидемиологических мер можно представить как утрированную форму индивидуализации З. Баумана, которая усиливает уже существующую в социуме разобщенность. Закрытие публичных пространств в свою очередь видится как дополнительный фактор, влияющий на деформацию функций этих пространств. Публичные пространства все больше воспринимаются как нежелательные или даже потенциально опасные, что ведет к так называемому «бегству с Агоры», «концу» публичного пространства как такового. Таким образом, эпидемии могут иметь влияние, «продолжающее» тенденции и так присущие современному обществу, причем это влияние зачастую скорее негативное.

Новые закрытые социальные пространства и эффекты из создания описывались в основном с позиции ограничений. Однако возможно и наличие некоторых возможностей, которые дает формирование таких пространств. Такие социальные бедствия как эпидемии дают возможность протестировать некий «альтернативный вариант жизнедеятельности», проанализировать новые социальные практики, новые инструменты достижения целей в таких условиях. Наиболее очевидным на сегодняшний день эффектом можно назвать новый взгляд на современную систему коммуникаций, которые и так с каждым днем используется все активней и активней. Тенденции технологизации, цифровизации, информатизации повседневности в условиях эпидемии радикализируются и активизируются. Ранее физические ограничения были и социальными ограничениями, сегодня же социальный контакт необязательно подразумевает физический контакт. В критической ситуации по типу эпидемии поддержанию контактов способствуют технологические средства. Опосредованный сугубо технологическими средствами, социальный контакт остается социальным, хоть и его характер несколько меняется. Говорить о негативных или позитивных последствиях таких изменений пока трудно, однако у нас есть возможность проанализировать сегодняшние возможности в этой области.

Таким образом, мы выяснили, что такие социальные бедствия как эпидемии способствует созданию новых закрытых социальных пространств в различных аспектах. Влияние это может специфически и противоречиво проявляться как на глобальном, так и местном уровне. Эффект в основном заключается в изменении ситуации в аспекте целостности и сплоченности социума в социальном и территориальном плане. Также было выявлено, что такое влияние может иметь связь с характеристиками и тенденциями, присущему обществу постмодерна, «продолжая» и радикализируя их. Кроме того, в условиях бедствий такого рода появляется возможность «протестировать» новую конфигурацию закрытых социальных пространств на жизнеспособность.

Библиографический список

- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь Мир, 2004. 188 с.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- Вахштайн В. С.* «Сообщество судьбы»: к военной истории идей // Социология власти. 2019. № 31(4). С. 12–52.
- Вахштайн В. С.* Пандемия, страх, солидарность [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике: [веб-сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pandemiya-strah-solidarnost/> (дата обращения: 24. 05. 2020).
- Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.
- Камю А.* Чума. М. : АСТ, 2017. 384 с.
- Шаниро Д.* Трансатлантические отношения и коронавирус [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике: [веб-сайт]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/transatlantica-i-koronavirus/> (дата обращения: 25. 05. 2020).
- Baehr P.* Social extremity, communities of fate, and the sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. № 46(2). С. 179–211.